

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., гл.н.с., Институт экономики РАН (Москва)

БОЛЬШОЕ СЛЕПОЕ ПЯТНО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ (о книге Давида Гребера «Бредовая работа»)

Аннотация. Работа посвящена характеристике книги британского антрополога Д. Гребера. Понятие «бредовой работы» связывается с удовольствием, которое одни люди получают, унижая других людей (злом). Показывается, что смысл и содержание работы выпадают из экономического анализа, поэтому экономисты не замечают, что дополнительная занятость может приносить отрицательную, а не положительную общественную полезность. Существенно, что рынок является нейтральным по отношению к максимизации как позитивной, так и негативной полезности, поэтому может возникнуть политико-экономическая система, в которой большинство акторов находятся с другими в отношениях постоянной ненависти и вражды. Привлекается внимание экономистов к необходимости расширения анализа, включающего в себя оценку не только количества (оплату труда), но и качества — содержания работы.

Ключевые слова: *бредовая работа, информационные услуги, зло.*

JEL: A13, B59, J28, Z13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_145_152.

Экономисты редко задумываются о зле, которое присутствует в человеческой природе. Пирамида А. Маслоу, предусматривающая упорядочивание потребностей от «низших к высшим», исходит из оптимистических и гуманистических представлений о человеке (безопасность, еда, тепло, крыша над головой — а потом уже и потребность в самовыражении, помощи себе подобным и т.д.). В списке потребностей, обозначенных Маслоу, отсутствует потребность в систематическом унижении себе подобных и получении удовольствия индивидами от этого унижения (именно это я понимаю под «злом» [Ореховский, 2014]). Поэтому и работы Т. Веблена, хорошо знакомые экономическому сообществу, остаются на «периферии зрения», сводясь к казусам и парадоксам, связанным с роскошью и к отдельным нарушениям закона спроса.

Ещё одним свойством экономического мышления, связанным с оптимистическим взглядом на людей (вопреки Т. Карлейлю, считавшему экономику «мрачной наукой» [Капелюшников, 2017]), является убежденность в рациональности рыночных субъектов. Рыночный обмен предполагает добровольное согласие всех участников сделки. Это распространяется на куплю-продажу всех товаров, услуг, ресурсов, включая найм рабочей силы (продажу труда). Фирма просто не будет нанимать работников, если их предельный продукт труда меньше их зарплаты. Тем самым, по умолчанию, наёмный труд создаёт дополнительную стоимость и, соответственно, полезность вне зависимости от того, является ли процесс этого труда унижительным для работника или нет. Вопрос о содержании труда при такой постановке вопроса не имеет значения в отличие от размера его оплаты, которая должна соотноситься с предельной производительностью.

Впрочем, экономисты могут согласиться с тем, что работа может быть бессмысленной и может даже создавать отрицательную полезность при одновременной высокой оплате труда. Однако это относится к государственному сектору, где, после того как хищные мытари обдерут налогоплательщиков и отдадут собранные средства фантазёрам — бюрократам, последние тут же начнут строить социалистическую или фашистскую антиутопию [Ротбард, 2018]. В государственном секторе всё возможно — в том числе и создание рабочих мест, которые направлены исключительно на удовлетворение раздутого «эго» начальников. В этом отношении государство достаточно жёстко противопоставляется рынку: оно сконструировано одними людьми для господства над другими людьми, в то время как рынок является спутником всей истории человечества, позволяя людям реализовывать свои естественные, неотчуждаемые права по Дж. Локку. Противоположной позиции придерживался социолог К. Поланьи [Поланьи, 2002]. Однако его аргументы, по сути, так и не были восприняты экономистами, становление рынка и капитализма, которое он характеризовал, осталось областью социологии и экономической истории (как одна из версий последней).

По-видимому, такая же судьба ожидает и работу антрополога с анархистскими убеждениями Д. Гребера, который с помощью собранного им материала ставит проблему бессмысленности части работы в современном обществе — причём не только (и не столько) в государственном, но и *в частном* секторе. Начинает он с отсылки к Кейнсу: «В 1930 г. Джон Мейнард Кейнс предсказал, что к концу века уровень развития технологий будет достаточным, чтобы в таких странах, как Великобритания и Соединённые Штаты Америки установилась пятнадцатичасовая рабочая неделя. У нас есть все причины полагать, что он был прав. В технологическом плане мы вполне на это способны...» [Гребер, 2020. С. 17–18]¹. Можно подумать, что бурный рост индустрии развлечений, включая туризм, повлечёт за собой соответствующее перераспределение рабочих мест в эту сферу. Но это не совсем так: «Недавний отчёт, который описывает изменения в структуре занятости в США между 1910 и 2000 гг., даёт довольно ясную картину происходящего... резко снизилось число работников, занятых в качестве домашней прислуги, в промышленном производстве и в сельскохозяйственном секторе. В то же время количество “профессиональных работников, менеджеров, офисных служащих, продавцов и занятых в сфере услуг” увеличилось втрое: “с одной четверти до трёх четвертей общего числа занятых”...

...мы видим раздувание не столько “сферы услуг”, сколько административного сектора — вплоть до создания целых отраслей, вроде финансовых услуг или телефонного маркетинга, а также небывалое расширение секторов вроде корпоративного права, управления наукой и здравоохранением, HR и связей с общественностью...

Я предлагаю называть это бредовой работой.

Складывается ощущение, будто кто-то придумывает всю эту бессмысленную работу, просто чтобы чем-то всех нас занять. И в этом-то и состоит загадка. Потому что вроде бы этого как раз не должно происходить при капитализме. Конечно, в старых неэффективных социалистических государствах вроде Советского Союза, где труд считался одновременно правом и священным долгом, государство придумывало столько рабочих мест, сколько было нужно... ...согласно экономической теории, последнее, что будет делать фирма, стремящаяся к прибыли, это раздавать деньги работникам, которые ей не нужны. И всё же именно это и происходит» (С. 19–20).

Все эти наблюдения и рассуждения можно расценить как обычное левацкое брюзжание по поводу несовершенства рыночного мира. Но далее Гребер использует неожиданные риторические аргументы: «Я бы не рискнул сообщить человеку, который убеждён, что

¹ Далее ссылки на страницы работы Гребера даются в круглых скобках.

делает для мира что-то осмысленное, что на самом деле это не так. Но как насчёт тех людей, которые сами считают, что их работа бессмысленна?..

...я думаю, что никогда не встречал корпоративного юриста, который не считал бы свою работу бредовой... Существует целый класс хорошо оплачиваемых профессионалов, которые, если ты встретишь их на вечеринке и расскажешь, что сам занимаешься чем-то интересным..., [они] не станут обсуждать с тобой свою работу даже в самых общих словах. После нескольких бокалов эти люди разразятся тирадами о том, какой бессмысленной и тупой работой они на самом деле заняты.

Здесь имеет место глубоко укоренившееся психологическое насилие. Как вообще можно говорить о достойном труде, если мы втайне чувствуем, что наша работа не должна существовать?» (С. 21–23).

Эссе «О феномене бредовой работы» Гребер написал и опубликовал в 2013 г. в журнале «*Strike!*». Оно вызвало множество откликов, так что в конечном итоге переросло в небольшую сенсацию. Дальше Гребер поступил так, как и должен был поступить антрополог — он организовал сайт для людей, которые хотели написать ему о своей «бредовой работе» и провёл несколько опросов² и интервью. Так и появилась рецензируемая здесь книга.

На основе собранного материала Гребер выделил пять основных видов бредовой работы, которой занимаются шестёрки, головорезы, костыльщики, галочки и надсмотрщики, соответственно. Остановимся на этой классификации немного подробнее.

1. «Работа шестёрок существует исключительно (или преимущественно) для того, чтобы кто-то другой выглядел или чувствовал себя важным. Эту категорию также можно обозначить термином “феодалный слуга”» (С. 66). Выше мы уже говорили о зле в человеческой природе. Наличие многочисленных шестёрок (впрочем, как и других видов бредовой работы) подтверждает такую экономическую потребность, глубоко укоренённую во многих людях³.

2. Головорезы. «Разумеется, я использую этот термин метафорически... я говорю о людях, в чьей работе присутствует элемент агрессии, но важнее всего то, что их должности существуют только потому, что кто-то их нанял...

...Если бы ни у кого не было армий, то армии были бы не нужны. Но то же самое можно сказать и о большинстве лоббистов, PR-специалистов, агентов по телефонным продажам и корпоративных юристов. Как и настоящие головорезы, они оказывают главным образом негативное воздействие на общество. Думаю, почти все согласятся, что если бы агенты по телефонным продажам исчезли, то мир стал бы лучше. Но, на мой взгляд, большинство людей также согласились бы, что если бы все корпоративные юристы, банковские

² «Опросное агентство YouGov взялось проверить гипотезу и провело опрос среди британцев, используя фразы, напрямую позаимствованные из эссе, например: “Приносит ли ваша работа какую-нибудь пользу миру?” Неожиданно более трети респондентов — 37% — ответили “нет”, (50% сказали “да”, а 13% затруднились с ответом.

Это было почти вдвое больше, чем я ожидал: я думал, что доля бредовой работы составляет около двадцати процентов. Более того, чуть позже опрос в Голландии дал почти такие же результаты (на самом деле даже чуть выше): сорок процентов работников заявили, что существование их работы ничем не оправдано. То есть гипотеза не просто подтвердилась реакцией публики — она также получила исчерпывающее статистическое подтверждение» (С. 27).

³ «Джуди: Я лишь однажды работала на полную ставку — в HR-отделе частной инженерной фирмы. Это была абсолютно ненужная работа. Моя должность существовала только из-за того, что HR-специалист был ленивым и не хотел выходить из-за своего рабочего стола. Я была его помощницей. Без шуток, я тратила на работу максимум час-полтора в день. Остальные семь или около того часов я играла в “2048” или смотрела видео на YouTube. Телефон никогда не звонил. Я вносила данные за пять минут или и того меньше. Мне платили за то, что я скучала. Начальник мог бы с лёгкостью сам делать мою работу — чёртов ленивый говнюк» (С. 74).

лоббисты и гуру маркетинга аналогичным образом растворились бы в клубах дыма, то мир по меньшей мере стал бы чуть более сносным»⁴ (С. 76).

3. «Костыльщики — это те, чья работа существует только из-за сбоя или ошибки в организации, если они решают проблемы, которые не должны возникать...

...Уборка — необходимое занятие, ведь вещи покрываются пылью, даже если просто стоят на месте, и обычный образ жизни оставляет следы, которые нужно убирать. Но уборка за тем, кто просто так, без всяких причин и всякой необходимости устроил беспорядок, всегда раздражает. А если ваша работа состоит в том, чтобы полный рабочий день убирать за таким человеком, то внутри вас неизбежно будет зреть негодование»⁵ (С. 81–82).

4. Галочники. «Я использую термин “работа для галочки” в отношении тех, чьи должности существуют исключительно или преимущественно для того, чтобы организация могла утверждать, что она занимается тем, чем на самом деле не занимается»⁶ (С. 87).

5. Надсмотрщики. «Есть две категории надсмотрщиков. Первая включает в себя тех, чья единственная функция — распределять работу между другими сотрудниками. Такую работу можно считать бредовой в том случае, если сам надсмотрщик считает, что ему совершенно нет нужды вмешиваться в рабочий процесс: не будь его на этом месте, подчинённые вполне справились бы самостоятельно. Таким образом, первый тип надсмотрщиков можно считать противоположностью шестёрок: речь здесь идёт не о ненужных подчинённых, а о ненужных начальниках.

Если первая разновидность надсмотрщиков просто бесполезна, то вторая по-настоящему вредна. Речь идёт о тех надсмотрщиках, чья основная задача — ставить перед другими сотрудниками бредовые задачи, контролировать бред или даже создавать совершенно новые бредовые рабочие места. Их также можно назвать генераторами бреда...»⁷ (С. 94–95).

⁴ «Это не просто отсутствие позитивного вклада. Вы активно портите людям жизнь. Я звонил людям, чтобы впарить им бесполезное, ненужное дерьмо — доступ к их кредитной истории, который в другом месте они могли получить бесплатно. Мы же предлагали его (с несколькими бессмысленными бонусами) за 6,99 фунта стерлингов в месяц» (С. 80).

⁵ «Я работал программистом в туристической фирме. Какой-то бедолага несколько раз в неделю получал обновленное расписание рейсов по электронной почте и вручную вбивал его в Excel — в этом состояла его работа.

Я должен был переписывать информацию о государственных нефтяных скважинах из одной тетради в другую.

Каждый рабочий день я в течение семи с половиной часов делал ксерокопии медицинских карт ветеранов... Работникам всё время говорили, что покупать оборудование для оцифровки слишком затратно» (С. 84).

⁶ «Ганнибал: Я занимаюсь консалтингом в цифровой сфере для отделов маркетинга международных фармацевтических компаний. Я часто работаю с международными PR-агентствами и пишу отчёты с названиями вроде “Как улучшить взаимодействие между основными заинтересованными сторонами в области цифрового здравоохранения”. Это полный, чистейший бред, его единственная цель — чтобы отделы маркетинга могли поставить галочку. Но получать большие суммы денег на написание бредовых отчётов очень легко. Не так давно мне удалось получить около 12 тыс. фунтов за написание 2-х страничного отчёта для клиента из фармацевтического бизнеса. Отчёт должны были представить на совещании по глобальной стратегии, но в итоге он не пригодился. За время совещания им так и не удалось добраться до этого пункта в повестке, тем не менее команда, для которой я писал отчёт, была очень довольна» (С. 93).

⁷ Полагаю, следующая ситуация очень хорошо знакома российским преподавателям: «Можем начать с Хлои, занимающей пост декана по учебной работе в одном британском университете. Она непосредственно отвечает за “стратегическое руководство” кампусом, который столкнулся с рядом проблем.

Прежде всего, нужно сказать, что те из нас, кто вертится в академических кругах и по-прежнему считает себя в первую очередь преподавателем и учёным, боятся слова “стратегический”. Словосочетание “формулировка стратегической миссии” (или ещё хуже — “концепция стратегического видения”) внушает особый ужас, поскольку это основное средство, при помощи которого в академическую жизнь внедряются корпоративные методы управления. То есть разработка количественных методов для оценки эффективности, из-за которых преподаватели и учёные вынуждены всё больше времени тратить на оценку и обоснование того, что у них остаётся всё меньше времени делать. Аналогичное подозрение вызывает и любой документ, в котором постоянно используются слова “качество”, “передовой опыт”, “лидерство” или “стейкхолдер”. Поэтому, услышав, что Хлоя была на позиции “стратегического руководителя”, я сразу заподозрил, что её работа была не просто бредовой, но что она также активно наполняла бредом жизни других людей» (С. 97).

После характеристики этой классификации Гребер посвящает две главы описанию и анализу психологического насилия, возникающего в процессе организации и выполнения бредовой работы. Это увлекательное чтение. Однако социальная психология со всеми её нюансами и важными следствиями, как правило, выходит за рамки собственно экономического анализа (хотя часть институционалистов, пожалуй, скажут, что это не так). А вот «Глава 5. Почему бредовой работы становится больше?» относится напрямую к предмету экономической теории.

Сначала Гребер говорит о том, почему негативные феномены бредовой работы не замечаются: «Тот факт, что многие люди несчастны из-за того, что получают деньги, ничего не делая, противоречит нашим привычным представлениям о человеческой природе; но прежде всего тот факт, что многие люди получают деньги, ничего не делая, противоречит нашим представлениям о том, как должна функционировать рыночная экономика...

Никто ничего не заметил отчасти потому, что люди попросту отказывались верить, что капитализм мог привести к таким последствиям, даже если при этом приходилось закрывать глаза на свой собственный опыт, а также опыт друзей и родных, считая его чем-то аномальным» (С. 213).

И опять-таки такое обоснование «бредовости», получается, связано в основном с когнитивными и психологическими причинами. Если «бредовая работа» становится массовой, то она сопровождается и сдвигами в занятости, которые улавливаются официальной статистикой. И Гребер приводит статистическое обоснование, указывая сначала на общеизвестный рост удельного веса услуг в ВВП и занятости, а потом — на рост *информационных* услуг: «...наши данные со всей очевидностью демонстрируют, что большинство работников информационной сферы действительно убеждены, что если бы их работа исчезла, то мир бы не сильно изменился.

...Кто-то, как бывший министр труда США Роберт Райх, говорил о росте нового технически подкованного среднего класса “символических аналитиков”, которые угрожали забрать себе все выгоды экономического роста и оставить традиционный рабочий класс влачить нищенское существование. Другие говорили об “информационных работниках” и “информационном обществе”. Некоторые марксисты даже решили, что новые формы “нематериального труда”, как они его называли..., стали новыми локусами создания прибавочной стоимости, отсюда появилось предсказание, что со временем цифровой пролетариат поднимет восстание...

Сейчас уже трудно вспомнить, какой мистической аурой финансовый сектор окружил себя в преддверии кризиса 2008 года...

В некотором смысле можно утверждать, что весь финансовый сектор — это своего рода махинация, поскольку он заявляет, что в первую очередь является инструментом для привлечения инвестиций в выгодные проекты в сфере торговли и промышленности, хотя на самом деле это совсем не так. Самую большую часть прибыли он получает благодаря сговору с правительством, создавая различные формы задолженности, а затем торгуя и играя ими. Всё, что я хочу сказать в этой книге, — что *подобно тому, как финансовый сектор в основном занят бредом, таким же бредом является и основная часть рабочих мест, возникающих по мере роста информационного сектора* (курсив мой. — П.О.) (С. 217–219).

А вот это уже «посягательство на святое». Мало того, что антрополог обзывает гордость современного капитализма — финтех — «махинацией», так он ещё и подвергает сомнению веру в счастье, которое должно настичь человечество в результате информационной (четвёртой промышленной) революции. Если согласиться с автором, то можно поверить и в то, что большая часть работ экономистов, с помощью многочисленных эконометрических моделей доказывающих, что основная часть ВВП развитых стран создаётся в секторе информационных и финансовых технологий, — тоже бред. Повторюсь: вряд ли работу Гребера ждёт успех и известность среди экономистов-теоретиков.

Тем не менее автор последователен, в том числе — и в анализе «слепого пятна», возникающего вокруг рассматриваемого им феномена: «В случае с бредовой работой это [слепое пятно] означает, что нам нужно ответить на три вопроса:

1. На индивидуальном уровне: почему люди соглашаются заниматься бредовой работой и терпеть её?

2. На социальном и экономическом уровнях: какие силы более общего характера стали причиной увеличения количества бредовой работы?

3. На культурном и политическом уровнях: почему бредовизация экономики не считается социальной проблемой и почему никто ничего с этим не делает?» (С. 223).

Рассматривать вслед за Гребером все эти три уровня в краткой рецензии нет возможности. Отметим, что в результате своего анализа, включающего характеристику теологического отношения к труду, возникшего ещё в рамках становления иудео-христианской цивилизации⁸, Гребер характеризует современное политико-экономическое устройство как «менеджеральный феодализм». В экономической теории предполагается, что стоимостная оценка полезности (предельной производительности) труда должна соответствовать его оплате, а индивидуальные оценки как-то должны коррелировать с общественными. По-видимому, такое устройство большинство граждан сочтёт легитимным. Для экономистов эти положения являются банальными и, в общем-то, обсуждаются редко.

Однако эмпирические оценки сильно отличаются от теоретических. Гребер пишет: «На самом деле мало кто из экономистов пытался подсчитать общую общественную ценность разных профессий: большинство из них, видимо, сочло бы это дурацкой затеей⁹. Однако те, кто пытался, в целом подтверждает, что обратная взаимосвязь между пользой и оплатой действительно существует...

Среди известных мне исследований ближе всего к этой задаче проект британского Фонда новой экономики: он располагает наиболее широкой выборкой. Авторы исследования использовали метод под названием «анализ социального возврата на инвестиции», чтобы рассмотреть шесть видов занятий, представляющих структуру занятости в целом: три высокооплачиваемых и три низкооплачиваемых...:

- ▶ банкир: годовая зарплата около 5 млн ф.ст.; уничтожает приблизительно 7 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.;
- ▶ директор по рекламе: годовая зарплата около 500 тыс. ф.ст., уничтожает приблизительно 11,5 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.;
- ▶ бухгалтер: годовая зарплата около 125 тыс. ф.ст., уничтожает приблизительно 11,2 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.;
- ▶ больничный санитар: годовая зарплата около 13 тыс. ф.ст. (6,26 ф.ст. в час); приносит приблизительно 10 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.;
- ▶ рабочий в сфере утилизации: годовая зарплата около 12,5 тыс. ф.ст. (6,1 ф.ст. в час); приносит приблизительно 12 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.;

⁸ Стоит отметить, что такие экскурсы характерны для социологов и практически полностью игнорируются экономистами. П. Бурдые в своих лекциях по экономической антропологии замечает: «Например, Гэри Беккер, который недавно получил, как это ни удивительно, Нобелевскую премию по экономике, давно уже старается объяснять этой [рационального поведения] моделью такие виды поведения, как брак: не ведая страха и ровным счётом ничего не зная о работах антропологов, теоретиков родства и т.д., он предложил теорию брака, выписанную в категориях издержек, выгод и потерь... я буду отстаивать совершенно иную антропологию, основанную на той мысли, что для объяснения тех видов поведения, что воспринимаются в качестве рациональных, нет необходимости выдвигать гипотезу, будто их основанием выступает разум или сознательное рациональное намерение» [Бурдые, 2019. С. 15–16].

⁹ Естественно, затея выглядит дурацкой. Но экономисты подсчитывают не *общую*, а *предельную* полезность (производительность) профессий. Общая ценность профессии банкира или токаря несопоставимы (обществу нужны и те, и другие), но оплата труда того и другого вполне сравнимы, и такой анализ делается регулярно (включая оценки дефицитности на тех или иных рынках труда).

- ▶ воспитатель в детском саду: годовая зарплата около 11,5 тыс. ф.ст.; приносит приблизительно 7 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.» (С. 297–298).

Такая ситуация как раз и оправдывается с помощью теологической аргументации: если труд действительно полезен для общества и приносит работнику удовольствие, он не должен оплачиваться. В-общем, старый советский лозунг «Слава труду!» по-капиталистически. В рамках своей исторической интерпретации Гребер затрагивает и трудовую теорию стоимости, возникшую до Маркса, и Карлейля с его культом героев. И в конце концов замечает:

«На протяжении XX в. было проведено множество опросов, исследований, обследований и этнографических описаний работы. Работы о работе стали своего рода небольшой самостоятельной дисциплиной... Выводы можно обобщить следующим образом:

1. Чувство собственного достоинства и самооценка большинства людей тесно связаны с тем, как они зарабатывают себе на жизнь.

2. Большинство людей ненавидит свою работу.

Это можно назвать парадоксом современной работы. Вся социология работы, не говоря уже о социологии трудовых отношений, главным образом занимается тем, что пытается понять, как обе эти вещи могут быть верны одновременно» (С. 337).

Сам же Гребер, с отсылкой к Карлейлю и его «поклонению страданию», поясняет этот парадокс так: «Убеждённость, что стремление к богатству, власти, удобствам и удовольствию в конечном счёте всегда двигало и будет двигать людьми, неизменно дополнялось и обязательно должно дополняться концепцией работы-самопожертвования, работы, которая ценная именно *потому*, что в ней сосредоточены страдание, садизм, пустота и отчаяние» (С. 341).

Экономическая теория рассматривает рынок как оптимизационный механизм, позволяющий его участникам добиться максимизации удовлетворения своих потребностей. Но счастья такой механизм не обещает — в конце концов, речь идёт о максимизации доходов и минимизации издержек, а не об оценке личной и общественной полезности. И если допустить, что среди потребностей людей есть и потребность в зле — вопреки пирамиде Маслоу — то можно получить такую систему, которая наряду с ростом богатства и дохода будет увеличивать зависть, злобу и бредовую работу. Возможно, именно это имеет место в России в последние 30 лет, а может быть, и нет. Во всяком случае, отечественных работ, которые бы рассматривали феномен «бредовой работы», мне не попадалось.

А что же на Западе? Приведу ещё одну большую цитату: «...из-за подобных условий труда политическая жизнь [здесь] наполнена ненавистью и злобой. Те, кто с трудом выживает и не может найти работу, злятся на трудоустроенных. Трудоустроенных убеждают ненавидеть бедняков и безработных, которых постоянно называют паразитами и нахлебниками. Те, кто застрял на бредовой работе, обижены на тех, кому повезло заниматься по-настоящему производительным или полезным трудом. А тем, кто занят по-настоящему производительным или полезным трудом, недоплачивают, их унижают и не ценят; и их, в свою очередь, всё сильнее бесят те, кто, по их мнению, занял немногочисленные рабочие места, где можно хорошо зарабатывать и при этом заниматься чем-то полезным, возвышенным или привлекательным, — те, кого они называют *либеральной элитой* (курсив мой. — П.О.). Наконец, всех их объединяет ненависть к политическому классу: они считают, что он коррумпирован (и совершенно правы). Однако политическому классу все предыдущие формы пустой ненависти весьма удобны, поскольку они отвлекают внимание от него самого» (С. 346).

Знакомая картина? Если — да, то экономисту всё же стоит прочесть книжку Гребера. Ну, а если нет, то составление индивидуальных планов, заполнение форм отчётности и отслеживание своего индекса Хирша в *elibrary* должно наполнять наши сердца гордостью. Ведь именно за эти показатели нас ценит администрация и Министерство образования и науки, не так ли?

ЛИТЕРАТУРА

- Бурдые П. (2019). Экономическая антропология: Курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993). — М.: ИД Дело РАНХиГС.
- Гребер Д. (2020). Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
- Капелюшников Р.И. (2017). Казус Карлейля, или Кто рассорил экономическую науку с другими социальными и гуманитарными дисциплинами. Препринт. — М.: ИД ВШЭ, 2017.
- Ореховский П.А. (2014). Экономический человек и роль зависти в его поведении // Общество и экономика, №12. С. 102–119.
- Поланьи К. (2002). Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. — СПб.: Алетейя, 2002.
- Ротбард М. (2018). Оппенгеймер. «Государство». Анатомия государства. — М.: RUSTATE.ORG, 2018.

Ореховский Петр Александрович

orekhovskaya@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

orekhovskaya@mail.ru

**BIG BLIND SPOT OF ECONOMIC SCIENCE
(ABOUT DAVID GREBER'S BOOK «BULLSHIT JOBS: THEORY»)**

Abstract. The review is devoted to the characterization of the book by the British anthropologist D. Greber. The concept of «bullshit job» is associated with the pleasure that some people get by humiliating other people (evil). It is appears to that the meaning and content of work falls out of economic analysis, therefore economists do not notice that additional employment can bring negative, not positive social utility. It is essential that the market is neutral in relation to the maximization of both positive and negative utility, so a political-economic system may arise in which most actors find themselves with others in a relationship of constant hatred and enmity. The attention of economists is drawn to the need to expand the analysis, which includes not only quantitative values (wages), but also the content of work.

Key words: *bullshit job, information services, evil.*

JEL: A13, B59, J28, Z13.

REFERENCES

- Bourdieu P. (2019). *Ekonomicheskaya antropologiya: Kurs lektsiy v Kollezh de Frans (1992–1993)* [Economic anthropology: a course of lectures at the College de France (1992–1993)]. — М.: ID Delo RANKhiGS. (In Russ).
- Greber D. (2020). *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostraneni besmyslennogo truda* [Bullshit Jobs: Theory]. — М.: Ad Marginem Press. (In Russ).
- Kapelyushnikov R.I. (2017). *Kazus Karleylya, ili kto rassoril ekonomicheskuyu nauku s drugimi sotsial'nymi i gumanitarnymi distsiplinami*. Preprint. [Casus Carlyle, or who quarreled economics with other social and humanitarian disciplines]. — М.: ID VSHE. (In Russ).
- Orekhovsky P.A. (2014). *Ekonomicheskii chelovek i rol' zavisti v yego povedenii* [Economic man and the role of envy in his behavior] // *Obshchestvo i ekonomika*. No. 12. Pp. 102–119 (In Russ).
- Polanyi C. (2002). *Velikaya transformatsiya: Politicheskiye i ekonomicheskkiye istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. — SPb.: Aleteya, 2002 (In Russ).
- Rothbard M. (2018). *Oppengeymer. «Gosudarstvo». Anatomiya gosudarstva* [Oppenheimer. "State". Anatomy of the state]. — М.: RUSTATE.ORG. (In Russ).